

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К44

Издательство благодарит
литературного агента *Игоря Бондарь-Терещенко*
за помощь в получении прав на издание

Кисина, Юлия.
К44 Элефантина. Запрещенный андеграунд / Юлия Кисина. — Москва : Издательство «Э», 2018. — 288 с. — (Городская сенсация).

ISBN 978-5-04-092150-8

Эта книга о запрещенном андеграунде Москвы 80-90-х годов, о яркой подпольной жизни художников, музыкантов и поэтов эпохи перемен.

Юлия Кисина – свидетель и активный участник нового русского авангарда совместно с Владимиром Сорокиным и Павлом Пепперштейном – описывает в романе неофициальную художественную жизнь Москвы и Ленинграда.

Перед нами поистине inferнальный роман: умный, веселый, образный, с мощными сценами.

Красочные, гротескные, поэтические образы не только изображают знаменитую Москву восьмидесятых, но и вызывают в воображении нечто большее: дикую анархию контркультуры.

Роман переведен и издан в Германии, Италии, Украине и получил высокие оценки критиков и журналистов в немецких СМИ. Юлия Кисина стала лауреатом журнала «Звезда» за этот роман.

«Живой, остроумный, провокативный и завораживающий роман о Москве и московском андеграунде 80-х».

Владимир Сорокин

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-092150-8

© Оформление.
ООО «Издательство «Э», 2018

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Издание для досуга

ГОРОДСКАЯ СЕНСАЦИЯ

Юлия Кисина

ЭЛЕФАНТИНА

ЗАПРЕЩЕННЫЙ АНДЕГРАУНД

Директор редакции *Е. Капьев*
Ответственный редактор *И. Воеводин*
Литературный редактор *И. Бондарь-Терещенко*
Выпускающий редактор *П. Тотоева*
Художественный редактор *С. Власов*
Редактор *Л. Гречаник*
Верстка *Е. Дейнека*
Корректоры *Л. Снеговая, Л. Юсупова*

ООО «Издательство «Э»
123308, Москва, ул. Зорге, д. 1. Тел.: 8 (495) 411-68-86.
Өндүрүшү: «Э» АҚБ Баспасы, 123308, Мәскеу, Ресей, Зорге көшесі, 1 үй.
Тел.: 8 (495) 411-68-86.
Тауар белгісі: «Э»

Қазақстан Республикасында дистрибьютор және өнім бойынша арыз-талаптарды қабылдаушының
өкілі «РДЦ-Алматы» ЖШС, Алматы қ., Домбровский көш., 3-а, литер Б, офис 1.
Тел.: 8 (727) 251-59-89/90/91/92, факс: 8 (727) 251 58 12 вн. 107.

Өнімнің жарамдылық мерзімі шектелмеген.

Сертификация туралы ақпарат сайтта Өндүрүші «Э»

Сведения о подтверждении соответствия издания согласно законодательству РФ
о техническом регулировании можно получить на сайте Издательства «Э»

Өндiрген мемлекет: Ресей
Сертификация қарастырылмаған

Подписано в печать 18.12.2017. Формат 84x108^{1/32}.

Печать офсетная. Усл. печ. л. 15,12.

Тираж экз. Заказ

ISBN 978-5-04-092150-8

9 785040 921508 >

В электронном виде книга доступна на сайте
купить ее на www.litres.ru

ЛитРес:
лучшие книги — бесплатно

ОТВРАЩЕНИЕ К ТЕАТРУ

1519

Началось все в XVI веке, в Венеции. В 1519 году, едва завершив работу над «Ассунтой», Тициан получил новый заказ: семья Пезаро поручила ему написать большую картину для боковой капеллы базилики деи Фрари. «Мадонна семьи Пезаро» была призвана увековечить память об адмирале Якопо Пезаро: в 1502 году совместно с флотилией Папы Александра VI адмирал одержал убедительную победу над турками.

Итак, Мадонна сидит на высоком троне — напоминание о «Лестничной Мадонне». (Образ ее годы спустя подхватил Дюшан.) У ног девственницы — апостол Петр. Справа — покровители Святой Франциск и Антоний Падуанский. Слева — Якопо Пезаро в сопровождении Святого Георгия. Георгий смотрит на укрывшегося в тени турка. Полотно исполнено пафоса. Но, чу, сюда вплетаются прелестные, полные жизни мотивы: младенец Христос неуклюже и шаловливо пытается стянуть белое покрывало с головы Марии. Рядом со старшими членами семейства Пезаро мы видим мое

одухотворенное лицо в возрасте двенадцати лет, устремившее на нас задумчивый взгляд.

Да, это я, и такой я себя узнаю всегда!

Другие кретинские описания этой картины можно найти в книгах и в интернете. Например: «Ясная и глубокая одухотворенность чувствуется в фигурах алтарной композиции “Мадонна Пезаро”. В ней мастер сумел завоевать зрителя выразительными характерами изображенных персонажей. Особенно обаятельна головка мальчика!» Действительно, тогда я все еще была похожа на того мальчика. Во времена художественной школы меня так и называли — «Мадонна Пезаро». А потом — уже нет. Потом я выглядела совсем по-другому, а было это уже в веке двадцатом и вовсе не в Италии, а в славном городе Киеве.

Здесь, в квартире, залитой солнечной пылью, по утрам раздавался фабричный стук пишущей машинки. Стучал Папандрело. Он писал пьесы для грязного театра на Большой Васильковской. На премьерах публика аплодировала как на Бродвее. По субботам нарядно одетые дамы шли в театр через большой пустырь. Они переступали через трупы собак и консервные банки, а потом обмахивались пластмассовыми веерами и говорили: «Это было изумительно!»

Но в городе был и другой театр — большой торжественный монолит из серого камня. Находился он на кудрявом бульваре. Вокруг серого театра царила

лихорадка, особенно в сентябре, когда из Тбилиси привозили «Ричарда III». О Шекспир, великий грузинский драматург! Это было разве что сравнимо с Русскими сезонами в Париже! На сцене царили тюремный войлок, бумажные короны. Шекспир превращался в Брехта!

Уже за несколько часов до открытия кассы началась война. Публика дралась, душила и теснила друг друга, огрызалась и проклинала. Билетами торговали барышники — инженеры в застиранных носках и мелкие нищие врачи.

А как же молодежь? Как же она попадала на эти спектакли? Она лезла в окна подвалов и туалетов, просачивалась сквозь кирпичи и опадала золотым дождем на мрачной галерке. Ах, золотое время подвигов! Ведь иногда молодые люди взбирались на отвесные стены театра с альпенштоком и карабинами, лезли через крышу. Это было как в далекой Колорадской стране, когда отчаянные головы карабкаются вверх по обледневшим водопадам. Некоторые срываются. Их находят весной — молодых, обнаженных: кто не разбился, те замерзают. Бывает, что альпинистов находят лет через тридцать их взрослые дети и постаревшие жены. С театром — как с горами: упадешь за кулисы — пролежишь там целую вечность.

Мы проникали в этот храм, когда спектакль уже начинался. Зато стоять на колосниках — на этих олимпах, где обитают боги, глядеть в пропасть на

меленькие фигурки актеров на освещенной сцене — дух захватывает!

Это закончилось однажды осенью. Тот, кто сорвался с пожарной стены, был поэт, равных которому не было и нет до сих пор! Было ему семнадцать. Тогда я сказала себе: «Отныне вся моя жизнь будет посвящена не живописи и не театру, а поэзии!»

Но как же художественная школа? Как же хождения на этюды, новые барбизонцы, Мадонна Пезаро? Мы не были ни девочками, ни мальчиками. Однажды, отказавшись от пола в пользу чего-то очень важного, мы были армией горбунов, зачарованных жуков с деревянными ящиками, которые мы тащили на своих спинах. Ритуал хождения с ними на холмы был важней, чем само действие, ради которого мы шли. Там, на Днепровских кручах, на самой вершине блаженства, на ледниках снов, мы раскладывали свои этюдники, этих насекомых с алюминиевыми ногами, и начинали размазывать по холсту цветастый кал масляных красок. Называлось все это французским словом «пленэр».

Но реальность была куда более праздничной, чем наши жалкие попытки ее запечатлеть.

В честь смерти этого семнадцатилетнего человека, которого я и в глаза не видела, я написала поэму. — Если ты собираешься заниматься литературой, будешь мучиться от сомнений и безденежья, как

мучаюсь я. Ты готова? — однажды спросил меня Папандрело.

Ради великих целей я готова была утопиться даже в деревенском сортире.

Спустя годы я с ужасом вспоминала семью своей одноклассницы Червинской, в которой все были историками, а значит, тоже обладателями бесполезных профессий, образцами всего лучшего, духовно заточенного.

Сама Червинская была лясочивая прохвостка, умело сверкавшая белками своих каштановых очей. — Язык — это сабля. С него должна капать кровь врага! — вещала она.

Я смотрела на ее наливающуюся грудь и думала о решающих битвах.

Энергии у нас было не занимать. Мы хотели взорвать реальность, бросить вызов всем и вся. Мы имитировали обмороки в общественном транспорте. Тогда мы, половозрелые комсомолки, называли себя старомодно — барышнями. Особенно любила я историю с корсетом, который был найден в недобитом бабушкином шкафу Червинских. Такая, не относящаяся к современной жизни вещь, как корсет, доводила молодежь до умопомрачения. Корсет носили по очереди, прямо под школьной унылой формой. Однажды он стрельнул, то есть лопнул со страшным звуком во время истории КПСС на одной из девиц, на самой толстой и прозорливой.

В школу для Червинской готовили бутерброды с колбасой, будто тщательно отутюженной. На черном войлочном хлебе лежали молочно-стеклянные кусочки подтаявшего сала и колбасная смальта.

— Этим салями выложен пол в Соборе Святого Марка. Неужели ты не знаешь, где это? Ясное дело, откуда тебе это знать. Вы же не дворяне, не белогвардейцы, не казаки, которые своими острыми саблями прямо в воздухе разрезали со свистом эту высоко летящую колбасу, выстреливавшую во время русско-турецкой войны из османских пушек! Вот после этого и выложили колбасой Святого Петра и Василия Блаженного!

Я продолжала ходить к Червинским, приобщаясь ко всему высокому и одухотворенно-воодушевляющему. Ее мамаша была оразцом сдержанной страсти и хорошего вкуса. Ее дед вопрошал:

— Ну как, девчата, вы готовы к служению Музам? Вы понимаете, что должен быть конфликт: стенка на стенку, художник против общества!

Голова у него была гордая, с масляным зачесом как у длинношерстного орла. Снова и снова он начинал перед нами свое гарцевание.

— Жизнь художника невероятно трудная. Она и должна быть трудной, просто обязана! Надо жить, стиснув зубы, надо терпеть. Именно мы, советский народ, являемся аристократами духа! В обстановке, когда все материальное попрано, у нас не остается ничего другого. А раз мы питаемся духом, то

мы и есть истинные ангелы с крылышками. И особенно вы, девчата!

Тогда, под влиянием всех этих ужасных дедушек и янычар с Шекспирами, мы составили манифест художника, который звучал так:

*Не прислушиваться к чужому мнению.
Жертвовать собой ради творчества.
Не иметь учителей, идти своей дорогой.
Нарушать общественный порядок.
Не поддаваться влияниям, внушениям
и авторитетам.
Никогда не влюбляться!*

Последняя заповедь была самой главной.

Клятву эту мы дали однажды осенью на круче в парке Славы, в Николаевской Пустыни, на Угорском урочище, на Аскольдовой могиле, прямо у ротонды на палых слепых листьях и скрепили ее кровью, скрестив засохшие царапины. Когда мы произносили клятву, стоя над могучей рекой, ветер бил нам в лицо, птицы ушли под землю, солнце стало свинцовым, все было как в кино.

Вскоре нам предстояло клятву эту нарушить, в особенности — последнюю заповедь.

А потом произошло очень важное событие в нашей жизни, потому что на службе искусствам мы решили обзавестись псевдонимами. Червинская тут же напридумывала их себе целую кучу, одним

из которых был Бронтозаурия Степановна Лямурмур, а другим — Слоновия Загс. Мне же в голову совсем ничего не приходило, поэтому я стала подписываться Кораблекрушеница Достоевцева. Червинская мой псевдоним забракела и сказала, что пускай я зовусь тоже, как и она, Слоновия, но только на английский манер. С тех пор я называлась Элефантина.

И это был полный идиотизм!

МУДРОСТЬ ОНДАТРА

1981

Весь год шли бесконечные переговоры о сокращении стратегических вооружений. Президентом США стал Рональд Рейган. Жену Мао Цзэдуна приговорили к смерти. США заявили о причастности СССР к международному терроризму. Пиночет был объявлен президентом. В космос полетел космонавт из Монголии. Ярузельский объявил польскую «Солидарность» вне закона. В Ливане шла гражданская война. Компартия Болгарии избрала генсеком Тодора Живкова. СССР выиграл чемпионат мира по хоккею. Принц Чарльз сыграл свадьбу с принцессой Дианой. Произошло солнечное затмение. В США запустили космическую программу Спейс Шаттл. Были зарегистрированы первые случаи СПИДа. Поступил в продажу персональный компьютер IBM. Был убит египетский президент Садат. В Мавритании запретили рабство. Нобелевская премия была вручена Элиасу Канетти «За огромный вклад в литературу, высветивший значение человеческой совести».

Именно в это время у меня обнаружили подозрение на поэзию. Теперь надо было ходить по каким-то дутым специалистам и показывать мою писанину. Обычно папаша звонил какому-нибудь приятелю и небрежно спрашивал, хочет ли тот взглянуть на мои стихи: «Она тут стихами балуется». При этом он страшно смущался. Специалисты эти были как врачи: каждый мог поставить свой диагноз. При этом диагнозы всегда ставились очень противоречивые. На сей раз родители договорились отправить меня к одному старому и заслуженному поэту. Стихи мои ему понравились, но почему-то именно это меня ужасно разозлило.

Писательские дома по всей стране выглядели всегда одинаково — это были бурые монолиты, шоколадные плитки. Первые этажи этих шоколадных домов были украшены мемориальными досками, которые в послевоенное время превратились в особый жанр. Эти мемориальные доски составляли большой кладбищенский стиль. А главное — их действительно изготавливали из могильного мрамора.

Я поднималась по лестнице. Сердце мое учащенно билось. На вершине кенотафа меня ожидал ондатр. Архетип ондатра сложился в Союзе писателей: это были высокие жесткошерстные старики, бойцы, состарившиеся на ринге, удачливые карьеристы. Они умели позировать. Из таких стариков состояло, по-видимому, все население шоколадного дома.

Меня встретил писательский секретарь — сутулый угодник в вышиванке. В квартире стояли готические стулья с высоченными спинками. На новеньких обоях висела чеканка: Горький с усами Ницше. Густо пахло пылью и паркетным воском. Что говорил о моих стихах высокогородный ондатр, в точности я не помню, но он все время нажимал на то, что, будучи молодым, попал к Пастернаку и стоял перед ним, как я сейчас. Это сравнение меня страшно оскорбило. Стояла я перед ним в моем представлении голая, и он хлестал меня нагайкой. Хотя он-то как раз и не замечал моей юношеской обнаженности, поэтому продолжал упиваться своим шершавым, песочным и неудержным старческим говорением. Он распалился до того, что стал брызгать слюной с лиловых губ, подвел меня к окну, заставил взглянуть вниз и удостовериться в том, что у прохожих у каждого своя походка:

— Вот и у поэта должна быть своя походка!

Из-за его болтовни мне вдруг стало невыносимо скучно, Пастернак забился куда-то под этажерку и уже подавал мне знаки, чтобы я «чернил и плакать» — плакала чернилами. Страх сменился желанием зевнуть или пукнуть, и я посильней сжала и рот, и ягодицы. Литератор вдруг размахался своими лопастями, изображая орла, и я безвольно и гневно выпустила газы.

Осадочек остался неприятный: напыщенный бронтозавр уж как-то совсем не вписывался в мои представления о литераторе. Вот тогда-то я решила,

что нет на свете ничего омерзительней писателей. А вот литература — совсем другое дело, и существовала она в отрыве от своего производства и литературного процесса, поэтому порой меня потрясала какая-нибудь метафора, и тогда я начинала вглядываться в слова, потом в буквы, в бумагу, поднося книгу совсем близко к носу, чтобы раскусить ее волшебный механизм. В такие моменты я была похожа на тех религиозных пилотов, которые искали бога за облаками. Ни в буквах, ни в зерне или волокне бумаги никакого смысла и тайны я не находила. Потом внутри вспыхивало что-то, чего не опишешь словами, приходило понимание. Рождалось оно малюсеньким и беспомощным где-то внутри, а потом росло и заполняло меня целиком. Вот это и была литература.

ПОМИДОРНЫЙ ГУРУ

И однажды мой приятель — маг и литератор Коля Лизогуб сообщил мне, что в наш город Киев приезжают какие-то страшно знаменитые столичные поэты:

— Они очень талантливые, еще и авангардисты, создатели множества поэтических школ и направлений, и, конечно же, — андеграунд!

Это был по-настоящему глоток свежего воздуха!

Мы ждали их целую неделю. Я мечтала о том, что как только они появятся на вонючем вокзале, весь мир преобразится, и нам будет хорошо, как в двадцатые годы. Но главное, мы станем хозяевами и создателями этой жизни, а не какими-то захудалыми и второстепенными приживалами истории.

Я знала, что поэт придает вещам смысл. Именно не философ — поэт, и в этом я убеждена по сей день, потому что вещам следует придавать эмоциональный смысл. Другого нет и не будет. Другое пускай называется ценность.

Вот сейчас они приедут, и начнется смысл!